Дюк Степанович (10)

Не бела́ ли заря да подымалася,
Красно солнышко выката́лосе —
Сын стоял тут перед матерью,
Просил у матери прощеньице,
Просил у матери благословеньица:
«Охота съездить мне в стольне Киев-град,
Посмотреть князя со княгинею».
Говорит ему маменька родимая,
Чесна́ вдова Офимья Федоровна:
«Ой еси ты, молодой сынок,
Молодой сынок, ты Дюк Степанович!
Молодёшенек ты, лет шестнадцати,
Не съездить тебе прямой дорожецкой.
Ехать надо по Волхову,
С Волхова надо ехать на Сви́ру-реку,
По Свиры-реки есть шатёр быстёр,
Есть шатер быстрой, поворот крутой.
Слыхала я от твоего родителя —
По тому шатру живет змея лютая,
Много молодцев повыбила,
Много ко́раблей повывела».
На то сынок ей ответ держи́т:
«Ой еси ты, моя маменька родимая!
Не сказывай мне, не уговаривай,
Уж задумал, так поеду в стольне Киев-град,
Не боюсь я змеи лютоей».
Увидела мать, как богатырь на коня скочил скорёшенько,
В стремена ступил крутешенько,
Молодой детина лет шестнадцати.
Говорит второй раз мать родимая:
«Ой еси, мое дитя молодёшенько!
Ты послушай меня, ма́терь родимую,
Честну вдову Офимью Федоровну,
Ты придешь, дитя, в стольне Киев-град,
Встретит тебя солнышко Владимер-князь,

Сделат тебе поче́стен пир,
Соберет вас, тридцать трех бога́тырей,
Соберет на пир тридцать три русских бога́тыря.
Все на пиру будут пьянёшеньки,
Будут все веселёшеньки —
Ты на пиру, сынок, не напивайся,
Из рецей не вышибайся,
Не хвастай золотой казной,
Не хвастай могуцо́й сило́й,
Не хвастай там добры́м конем».
Поехал Дюк Степанович,
Распростился с ро́дной маменькой,
Поехал по темны́м лесам,
Поехал он по чисты́м полям.
Ме́лки руцейки перескакиват,
Ме́лки лесы промеж ног берет.
Приехал к реки́ Волхову
И увидел шатёр быстёр и поворот крутой,
И увидел тут змею лютую.
Испугался у Дюка добро́й конь,
Припал к земли на коленоцки.
Говорил тут Дюк Степанович:
«Ой ты, конь, мой конь,
Товарищ верный мой!
Для цего ты на колена припадывашь?
Не видал разве птицек-пташецек?»
Тугой лук Дюк принатягиват,
Стрелоцку накладыват,
Стрели́л стрелоцкой в змею лютую.
Свалилась змея на́ землю,
Тут у змеи и смерть случиласе.
Едет Дюк опеть вперед,
Проехал дорожку прямоезжую
И приходит к обедни в стольне Киев-град,
Поставил коня к столбу точёному,
Привязал к кольцу золочёному,
Сам заходит в све́тлу све́тлицу,
Крест кладет он по-писа́нному,
Поклон кладет он по-учёному:

«Здравствуй, солнышко Владимир-князь,
Со своей маменькой Апра́ксией!»
Говорит тут солнышко Владимир-князь:
«Здравствуй, могучий бога́тырь Дюк Степанович,
Молодой русской сильной бога́тырь!»
По приезде сделал чесно́й пир,
Собрал тридцать три бога́тыря солнышко Владимир-князь.
Пили-кушали, что им хочетце,
Напились, стали веселёшеньки.
На пиру бога́тыри стали хвастати:
Один хвастает золотой казной,
А другой стал хвастать могуце́й сило́й,
Иной стал хвастать добры́м конем,
Умной стал хвастать отцом-матерью,
А безумный хвастал молодой женой.
Дюк Степанович сидит умнёшенько.
Говорит ему тут солнышко Владимир-князь:
«Что же ты, Дюк Степанович,
Могучий бога́тырь, сидишь невесело?
Что же ты ницем не хвастаешь?
Ни добры́м конем, ни золотой казной?»
В разговоры с солнышком не вяжетца,
С калацом сидит да забавляетца:
Ве́рхну короцку на стол кладёт,
Нижню короцку под стол мечет.
Говорит тут богатырь Васенька Буслаевич,
Говорит ему Олеша Поповиц:
«Что же ты, Дюк Степанович,
Над пиро́м что ли насмешаешьсе,
Над калачиком сидишь, искита́ешьсе,
Из серёдки калацек покусывашь?»
Говорит тут им Дюк Степанович:
«Не могу я есть вашего калацика:
Ве́рхня корка пахнет хвойкою,
Нижняя пахнет гнилкою.
У меня у матери родимоей
По́дики были менные,
Помёлышки она держала шелко́вые,
Мо́цет помяло в медо́ву бадью,

Калацик съешь — второй хочетце,
Об третьём уж душа болит.
У моей-то маменьки родимоей
Сошьёт она, уважит платьицо,
Обволокёшьсе в ём, принаря́дишьсе —
Как с красно́й девушкой приобо́ймешьсе;
Как застёжечки застегнешь —
Как с красной девушкой да поцелуешьсе.
У моей-то маменьки родимоей,
У чесно́й вдовы Офимьи Федоровной,
Про богатырского коня вам цены не сказать».
Все бога́тыри на него и рассердилися,
Взяли его во белы́ руки́,
Положили заповедь великую,
Дали ему писце́й десять человек
Описать его́во всё иму́чество.
Согласился тут Дюк Степанович,
Взял десять мужицков-бога́тырей,
Как десять мальчиков,
И поехал в свой родимой дом с бога́тырями.
Ме́лки рецки перескакиват,
Ме́лки леса промеж ног берет.
Приехали они на Днепр-реку́,
Говорит тогда Дюк Степанович:
«Скаците через Днепр-реку́».
Олеша Попович первый через реценьку скочил —
На серёдки реки коня угрузи́л.
Скоро́шенько Дюк Степанович через реку́ скоцил,
За кудри́ схватил Олеша Поповича.
Вышли все на высок берег,
Едут ко своему терему.
Встретила его матушка родимая,
Испужалось е́йно ретиво́ сердцо́,
Выбегала она на улицу,
Схватила во белы́ руки́,
Целовала в уста саха́рные.
И зашли все мужицки в палаты белока́менны,
Поздоровались с его́вой матушкой родимоей,
Со чесно́й вдовой Офимьей Федоровной.

«Похвастал, говорит, твой сын добры́м конем,
Цена будто ему не изложена».
Говорит тогда Офимья Федоровна своим слугам верным:
«Несите сбрую лошадиную».
Занесли тут сбрую лошадиную,
Стали они со сбруи описывать —
Бумаги, цернила было на пятьсот рублей,
Не хватило ни цернил, ни бумаги на одну сбрую бу́рушкову,
Не могли они дать цены.
Посадила матушка писаре́й за стол,
Покушали, поели, попили, что им хоцетце.
Принесли бра́тыни рожков семьдесят
И других разных напиточков.
По краям браты́нюшки ключом кипит,
Во середочки — огнём горит,
Пахнет ароматом ужасным,
От аромата все пьянёшеньки.
Не могли той бра́тыни они дать цены́.
Вздумали ехать в обратный путь,
Опустили руки белые,
Повесили буйны го́ловы.
Спровадила со двора их чесна́ вдова,
Проводила, с има распростилася,
И поехали писцы ко солнышку ко Владимиру,
Говорят ему таковы́ слова́:
«Трудно нам описывать,
Тяжело с има тягатися,
Чесна́ вдова богатырска умная,
Занесла нам сбрую лошадиную,
Не могли мы ей описать и цены дать,
Вся блестит, огнем горит —
Не хватило у нас ни чернил, ни бумаги.
Накормила, напоила, что нам хоцетце,
Принесла бра́тыни рожков семьдесят,
От аромату стали пьянёшеньки,
Все стали веселёшеньки,
Не поедем боле описывать».
Говорит тут им солнышко Владимир-князь:
«Ой еси вы, русски бога́тыри!

Небывали были посланы, неудалые —
Обесчестили меня, солнышка Владимира».
С той поры к Дюку не ездили.
Дюк женился, живет с молодой женой,
Живет веселёшенько, хорошёхонько,
Пировали, столовали они три месяца,
На том пиру и мы были,
Попили, поели, распростилисе.

(Зап. Белововой А. В.: авг. 1942 г., д. Трусовская Усть-Цилемского р-на — от Носовой Анастасии Артемьевны, 67 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.